

18+

София Кульбицкая

Шлехт и другие

Повести и рассказы

София Кульбицкая Шлехт и другие. Повести и рассказы

<https://litres.ru/74341074>

ISBN 9785007097321

Аннотация

«...Где колода от этого валета? У кого она? Кто управляет миром вместе со мной?..

Даже есть мороженое одному — скучно. А уж властвовать над целой Вселенной... Мне так одиноко.

Хочется найти своих. Король, дама, туз... да последняя шестёрка, наконец!.. Где они? У кого они?

Может быть, у вас? Или у вас?..»

Содержание

ШЛЕХТ И ДРУГИЕ	5
1. Виктор ИЛЬИЧ ШЛЕХТ	5
2. ЮЛЯ	9
3. АЛЛА ИВАНОВНА	11
4. ЮЛЯ	15
5. ШЛЕХТ И ВСЕ, ВСЕ, ВСЕ...	17
6. Виктор Шлехт. Приложение	19
ОСТРОВ БУЯН	22
1	22
2	31
3	41
4	46
5	50
6	55
ЭПИЛОГ	57
ЕВА И ЧЁРНЫЙ КВАДРАТ	58
ПИКОВЫЙ ВАЛЕТ	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Шлехт и другие Повести и рассказы

София Кульбицкая

© София Кульбицкая, 2026

ISBN 978-5-0070-9732-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ШЛЕХТ И ДРУГИЕ

1. Виктор Ильич ШЛЕХТ

В конце мая нас ждал очередной юбилей. Исполнялось пятьдесят лет одному нашему давнему сотруднику — Виктору Ильичу Шлехту.

К счастью, Виктор Ильич сразу предупредил, что не будет устраивать никаких торжеств. «К счастью» — потому что пришлось бы поднимать тосты, говорить ему разные хорошие слова. А этого делать не хотелось. Уж больно паскудный, даже можно сказать подленький человечек этот Шлехт. Каждый из нас хоть раз да пострадал от его козней — так что добрых слов для него у нас не находилось.

И всё же у человека день рождения, круглая дата, и надо её хоть как-то отметить. Не обходить же молчанием.

Наконец, кому-то пришла в голову забавная идея. Решили сделать в честь Виктора Ильича юбилейную стенгазету. А в ней уж высказать всё, что мы о нём думаем. (Конечно, в шутливой форме).

В отделе кадров попросили фото. Вот он перед нами как наяву: благообразный, седоватый, с доброй улыбкой на бледных губах (что-то с гемоглобином). Инициативная группа — люди, особо обиженные Шлехтом — принялась за работу.

Несколько дней все лихорадочно вспоминали истории из жизни, связанные у них с Виктором Ильичом. Фото подверстали в самый центр полосы.

...Когда газета была уже почти готова, случилось непредвиденное. Оказалось, Виктор Ильич прекрасно знает про нашу задумку. Откуда? Неизвестно. Возможно, кто-то из инициативной группы случайно сработал на два фронта...

К счастью, наш юбиляр ничуть не обиделся, а совсем наоборот. Усмехнулся и предложил дать в нашу газету развёрнутое интервью. И обещал честно и прямо ответить на любой (он подчеркнул, *любой*) вопрос о нём, любимом.

Что ж делать?.. Желание юбиляра — закон. Он и вправду дал нам интервью и мы его взяли. Приводим его здесь полностью, без купюр:

ИНТЕРВЬЮ С ЮБИЛЯРОМ

— Виктор Ильич, вы только не обижайтесь, но всё-таки: почему вы такой пакостный человек?

ВИ: — Я не пакостный. Просто люблю гармонию...

— ?!..

ВИ: — Когда я вижу, что кому-то слишком радостно и весело, как-то всё очень удачно складывается, как быть и не должно — я сразу понимаю, что где-то далеко другая чаша вселенских весов резко пошла вниз. Это неправильно. Я не могу успокоиться, пока не восстановлю равновесие.

— Понятно. Виктор Ильич, а друзья у вас есть?

ВИ: — В вашем понимании — нет. Но хорошие приятели,

конечно, случаются...

— И вы могли бы им тоже насолить? То есть, пардон — за их счёт восстановить вселенскую гармонию?

ВИ: — Не только мог бы, но я недавно так и сделал. Пашку Сафронова знаете из конструкторского? Он собирался жениться на Ирочке из группы исправлений. Я это всё расстроил...

— Как же вам удалось?!..

ВИ: — Да очень просто. Затащил его накануне свадьбы к себе домой. Как бы на скромный мальчишник. Позвал двух подружек. Устроил небольшую фотосессию... Ну, а фотки с левого аккаунта переслал счастливой невесте. Всего и делов-то...

— И вам не стыдно?

ВИ: — А почему мне должно быть стыдно? Для Пашки всё сложилось очень удачно. Невеста устроила ему такой вынос мозга, что он сразу понял, что его ждало в семейной жизни. А с той девчонкой у них до сих пор всё хорошо...

— А Ирочку вам не жалко?

ВИ: — Проблемы индейцев шерифа не волнуют. Хе-хе.

— Есть ли у вас близкие? Семья, дети?

ВИ: — Нет, ничего такого нет. Я очень одинокий человек. Подруги, конечно, случаются...

— В чём секрет вашего успеха у женщин?

ВИ: — Я их неплохо понимаю. Говорю с ними на одном языке. Кстати, мне как-то сказали, что в прошлой реинкар-

нации я был женщиной...

— Верите в реинкарнацию?

ВИ: — Безусловно.

— Экий вы мистик. А вы не боитесь эффекта кармы, бумеранга? Что вам однажды прилетит за всех, кого вы обидели?

ВИ: — Что ж делать? Это нормально. Такова жизнь.

— Что ж, Виктор Ильич — спасибо вам за такое прекрасное интервью и от всей души поздравляем вас с юбилеем!!!

ВИ: — И вам спасибо.

2. ЮЛЯ

...Не хочу много рассказывать о себе — рассказывать хочется интересные истории, а мало что может быть скучнее безумия, своего или чужого. Но раз вы так просите, я могу вспомнить тот самый первый эпизод, ставший началом моей болезни.

Это было самое начало девяностых. Мне тогда было тринадцать, я училась в седьмом классе, и вот однажды Зинаиду Михайловну, нашу заслуженную директрису, заставили уйти на пенсию. Взамен неё пришёл Карл Игнатьевич — молодой энтузиаст-инноватор.

Чего он только не вытворял, чтобы заставить нас учиться легко и весело, как будто мы играем! Никогда ещё у нас не было таких интересных экзаменов. В формате ток-шоу. В формате известной игры «в бутылочку» или «в ромашку» — только вместо поцелуя водящий передавал игроку экзаменационный билет. В формате игры в рулетку (русская рулетка, шутили наши остряки).

Но пиком его креативности стала идея скрестить экзамен с беспроигрышной лотереей. Лотерея была самая настоящая — там разыгрывались ценные призы. Их оплатил сам Карл Игнатьевич из своего кармана. Выигрыш по-честному выдавался каждому, от полученной оценки это не зависело.

Тогда-то со мной и случился тот самый трагический ка-

зус. Я вытащила билет номер тринадцать — единственный, который не успела вызубрить накануне. Зато, как оказалось, именно ему соответствовал суперприз: настоящий микроскоп «Ломо», о котором я лет с шести долго и безнадежно просила родителей. Этот логический парадокс стал для моего мозга непосильной задачей. Я стояла в ступоре, не понимая, что мне делать: радоваться или огорчаться. Пока, наконец, моё сознание не решило это за меня и не раскололось надвое... Во всяком случае, так мне потом объяснили.

3. АЛЛА ИВАНОВНА

В обеденный перерыв Виктор Ильич спустился в столовую — и тут же досадливо скривился. Он совсем забыл, что по Институту с утра гуляет обширная комиссия из других филиалов. Теперь в зале стоял чудовищный гвалт; очередюга на раздачу была жуткая. А самое противное — все столики были заняты.

У него было любимое место в углу под огромным телевизором, куда никто обычно не подсаживался: громкий звук из динамика вкупе с невозможностью смотреть на экран всех раздражали. Но сегодня даже там успели примоститься три пузатых мужика начальственного вида. Судя по всему — не дураки пожрать и поржать.

Можно было, конечно, отнести обед в контейнере наверх, но Шлехт ненавидел есть на рабочем месте. Он растерялся, засуетился, закрутился между столиками с полным подносом в руках, ища себе какую-нибудь не слишком отвратительную компанию.

Внезапно его брови радостно подпрыгнули. Миг — и он уже подкатывал сверху к одинокой толстой даме лет сорока пяти (её столик только что покинули, весело переговариваясь, три каких-то молокососа).

— Аллочка, зачем же вы едите булочку? Вы ведь и так худенькая!

— А я хочу стать ещё хуже, — лениво ответила дама, не переставая работать челюстями. — Присаживайся, Вить.

— Приятного аппетита, Алла Ивановна, — Шлехт покорно уселся напротив и принялся за борщ. Минуты две прошли в полном молчании.

— С прошедшим тебя, Вить, — наконец, вспомнила Алла. Шлехт будто ждал этого:

— С прошедшим-то с прошедшим. А где премия к юбилею? У нас после пятидесяти всем дают — я узнавал...

— Слушай, дай пожрать спокойно. Приказ на тебя уже подписан. Потерпи чуток...

— И много там? — недоверчиво скривился Шлехт. Алла Ивановна тяжело вздохнула и отложила на поднос недоеденную булку.

— А тебе сколько надо?

— Ну... столыжник хотя бы, — признался Шлехт. Его собеседница чуть не поперхнулась:

— Ну ты наглый, Шлехт. Это ж самым старым и заслуженным работникам столько дают. И то не всегда! А тебе вроде ещё только пятьдесят, а не девяносто...

— Я ценный сотрудник, — напомнил Шлехт. Алла нарочито расхохоталась:

— Это ты-то? Да что ты такого делаешь? Бумажки перекладываешь и на клавиатуре кнопки давишь?..

— Я — помойная кошка, — прошептал Шлехт, наклоняясь к ней. — Та самая драная помойная кошка, каких так

много в старом корпусе...

— Вот-вот — загадили всё здание. Кстати, директор насчёт них тоже приказ выпустил. О тотальном уничтожении...

— Серьёзно? Он сам не понимает, что делает. Если уничтожить кошек, здание рухнет. Мыши расплодятся и сгрызут все деревянные перекрытия... Я с ним переговорю.

Он прихлебнул борща, прикрыв глаза от удовольствия:

— Вот и если я уйду — всё рухнет... Мыши расплодятся... человекообразные... Слава богу, он хоть это понимает. Прекрасно понимает. И ты понимаешь...

— Бред несёшь какой-то, — Алла демонстративно впила крепкими зубами в булочку. Но Шлехта трудно было унять:

— Ты и сама только благодаря мне всё ещё держишься в ста килограммах. Больше места занимать пока не нужно — добрый дядюшка Шлехт всё расчистит. Но и меньше не нужно, хе-хе. Танюшку Зуеву помнишь?..

Алла Ивановна тяжело вздохнула — и в последнем усилии ещё раз попыталась отмахнуться от своего визави. Но тщетно:

— Я — Хранитель Равновесия, — тихо подытожил Шлехт. — И заменить меня некем.

— Ладно. — Алла устало взглянула на него. — Иди кофейку мне набери. И возьми ещё пирожок какой-нибудь...

...Когда он вернулся к столику, неся с собой большую чашку капучино и сосиску в тесте, рядом с его подносом уже

лежал файл с листочком приказа. Шлехт пробежал его глазами — и вопросительно взглянул на Аллу.

— Цифра ещё не проставлена, — тихо пояснила она. — Впишешь сам, любую.

4. ЮЛЯ

Насколько я себя помню, с тринадцати и где-то до пятнадцати лет у меня вообще не было никаких желаний. Я даже не понимала, как это — желать. Родители кормят, поят, крыша над головой есть, микроскоп я уже выиграла в лотерею. Чего ещё надо?

Но потом по телевизору показали фильм «Михайло Ломоносов». И мне жутко захотелось, чтобы у меня на письменном столе стоял бюст Ломоносова. Неважно из чего, любого цвета, любого размера. Пусть даже совсем маленький!..

Самое интересное, что эта мечта была вполне достижима. Всё-таки Ломоносов — личность популярная, и я не раз видела такие на развалах вещевых рынков, а также в сувенирных магазинах рядом с гипсовыми Пушкиным, Екатериной Второй и Жириновским. Но стоили они жутко дорого и родители каждый раз отказывались мне их покупать. А своих денег у меня ещё не было.

Я даже как-то раз палкой наковыряла в школьном дворе глины и попыталась сама слепить Ломоносова по картинке. Но ничего не получилось — у меня никогда не было художественных способностей.

И всё-таки моя мечта сбылась! (Всё-таки не зря говорят, что, если хочешь чего-то по-настоящему — оно непременно сбудется.)

Вы, наверное, опять расстроитесь, что у меня так и не получилось интересной истории. Но ничего не поделаешь: случилось это самым простым и прозаическим образом. Просто у наших мальчишек в классе той весной откуда-то завелась дурацкая манера — на переменах совать девчонкам в сумки разные посторонние предметы, любые, какие только попались под руку. Вот так и я однажды, придя из школы, вытащила из сумки алюминиевого Ломоносова двадцати сантиметров высотой — и даже не огорчилась, увидев, что на правом плече от врезавшейся лямки осталась красная полоса.

5. ШЛЕХТ И ВСЕ, ВСЕ, ВСЕ...

Сегодня у нас большой праздник! Виктор Ильич Шлехт наконец-то от нас уходит. Освободилось место у хозяйственников, и его забирают туда — с небольшим повышением оклада.

Скатертью дорога! Пусть теперь они помучаются!

Мы скинулись всем отделом и устроили ему такой банкет-отвальную, как если бы отмечали юбилей, который он закрысил. Нет, на сей раз мы не стали слушать никакого нытья и пустых возражений. Это наш день!!!

Да, Вить, я там слегка накинула тебе в приказе. Но не очень много, а то ещё зазнаешься. Да и вообще, зачем тебе деньги? Ты и так счастлив. Везде и всегда на своём месте, правда же?

Шучу, шучу. Ты ж знаешь, Вить, я всегда к тебе хорошо относилась. Ты клёвый чувак. С тобой не скучно, это главное. О кошках там позаботься, ладно?..

Теперь я знаю, что моё тогдашнее заболевание не носило органического характера. Просто слабая психика, вот и всё. Не успели сформироваться какие-то естественные защиты,

которые в этом возрасте есть почти у каждого.

Но одно могу сказать: если сейчас я более-менее адекватна, то только благодаря Вите Шлехту. Он пришёл к нам в класс, когда учиться оставалось всего-то года два. Его посадили ко мне, потому что это было единственное свободное место. Все знали, что я не совсем нормальная, и никто не хотел со мной сидеть.

Витя объяснил мне, что я абсолютно нормальна. Просто мне не надо бояться самой себя, вот как он, например. Он сказал, что, если бы он так старался быть как все, то давно бы спятил.

Именно благодаря дружбе с Витей ко мне понемногу стал возвращаться интерес к реальной жизни. (Кстати, это он тогда подложил мне в сумку бюстик Ломоносова.)

6. Виктор Шлехт. Приложение

...Во дворах свеженького жилого комплекса воздвигли к лету белые декоративные конструкции; всякий раз, проходя сквозь них, Виктор вспоминал отель Джолли Вилль в Шарм-эль-Шейхе. Чуть дальше, дополняя иллюзию, сверкала, искрилась на солнце Яуза.

Иногда ему казалось, что и на работу он ходит не столько за деньгами, сколько ради этого неизменного мига: когда, отмаявшись, идёшь домой, сознавая, что впереди — ещё целый огромный кусок драгоценного летнего дня. Чувство абсолютного блаженства, в такие минуты переполнявшее всё его существо, ещё острее напоминало тот давний, невозвратный отпускной день.

...В Шарм-эль-Шейхе он был лишь однажды, лет пятнадцать назад; да и выбрал-то его, кажется, лишь по странному созвучию с собственной фамилией — Шлехт. Махнул туда в феврале, прихватив для компании случайную подругу. Хватануть лета на исходе зимы обоим виделось очень удачной идеей.

По прилёту, однако, начались проблемы. Лина, которая в Москве казалась приятно адекватной и своей в доску, ещё в аэропорту начала капризничать и требовать чего-то такого, чего Шлехт дать ей не мог — да и не хотел. К счастью, долгожданное море, пальмы и виды дорогого пятизвездочного

отеля (куда автобус, наконец, довёз их к закату дня) немного отвлекли её, настроив на относительно мирный лад.

Шлехт же был разочарован. Всё было каким-то плоским, глянцевым, совсем не таким, как он ожидал. Море и пальмы напоминали картинку в дешёвом календаре — и он всё меньше понимал, зачем припёрся сюда с какой-то посторонней бабой.

На третий день они жестоко поссорились — и Лина, чудовищно подурневшая от слёз и злобы, заявила, что видеть его больше не желает и сейчас же переселяется в отель на другом конце города. Каким образом она собиралась это сделать и возможно ли такое в принципе — Шлехта не интересовало. Он просто рад был случаю хотя бы час-другой не видеть осточертевшее лицо.

Оставив мегеру доделывать свои дела, он вышел немного пройтись по променаду, успокоить нервы... и тут-то на него хлынули сверкающим потоком звуки и запахи, которые он за два дня уже привык считать чьей-то пошлой выдумкой. Он даже пошатнулся — настолько остро ощущался им теперь окружающий мир.

Шалея от счастья, дошёл до первого попавшегося открытого ресторанчика на набережной, присел, глядя на необъятное закатно розовеющее море. Блаженство переполняло его до краёв. Он ел рыбу на гриле, запивал белым вином. Ничего вкуснее никогда в жизни он не пил и не ел.

Прямо над головой с гулом пролетел самолёт, оставив на

пылающем небе розовый след. Виктор тоже искал в себе следы — следы раздражения, неизбежные после ссоры. Но их не было. Самолёт оставался самолётом, небо — небом, и это было единственное, что с ним сейчас происходило.

«Удивительно, — подумал он, впрочем уже не в первый раз, — я могу быть по-настоящему счастливым, только когда расстаюсь с чем-то».

ОСТРОВ БУЯН

1

Пашу снова забанили.

Если честно, его не просто забанили, а ещё и послали. Да как грубо! Но Паша — как и всегда в таких случаях — не совсем поверил. А что, если это просто какая-то новая, пикантная любовная игра?..

«Ах, стерва...» — подумал он даже с каким-то восхищением, не открывая глаз.

Да, было у него такое свойство — замуриваться в ответ на удары судьбы. Это свойство не раз спасало ему нервные клетки, а иногда, возможно, и жизнь. Несколько секунд, проведённых во мраке, обычно хватало, чтобы ситуация изменилась. В лучшую сторону. Хотя бы в его, Пашиной голове...

Вот и сейчас ему не понадобилось много времени, чтобы всё понять, принять и пожалеть виновных. Просто эта смешная Ира так страдает. Видимо, Паша причинил ей боль. Что поделаешь? Такая уж у него карма — время от времени делать женщинам больно...

Мысль эта была такой приятной, что он, наконец, овладел собой — и доверчиво распахнул в мир уже слегка подуставшие от внутренней тьмы глаза.

Но лучше бы он этого не делал.

Ибо за это время с Пашей что-то произошло. Ещё секунду назад он лежал у себя дома на диване. А теперь перед ним было что-то ужасное!..

Паша снова зажмурился, успокоил себя — и медленно, осторожно приоткрыл один глаз. Но на сей раз старый, многократно испытанный за тридцать четыре года способ не сработал. Ужасное никуда не делось, а, даже наоборот, приобрело ещё большую плотность и реальность.

Хуже всего было то, что и сам Паша всё больше ощущал себя в этой новой ужасной реальности как дома. Он вдруг понял, что не может вспомнить, о чём думал ещё минуту назад. Всё это казалось далёким, глупым, каким-то детским. А жизнь — вот она. И никакой другой нет, а, может, никогда и не было...

Когда это ощущение заполнило его целиком, он открыл второй глаз — и смело взглянул на то, что было перед ним.

Перед ним было море.

Но это было совсем не то море с нарисованных ИИ рекламных проспектов, куда Паше так хотелось бы попасть. Тяжёлая, свинцовая, холодная даже на вид субстанция злобно пенилась, рычала на Пашу — и явно грозила поглотить его.

Он вздрогнул и позволил себе осторожно оглядеться по сторонам.

Вокруг было что-то вроде заброшенного песчаного пляжа. Песок был изжелта-серый, грязноватый на вид. Справа, до-

вольно далеко, виднелся ржавый каркас смотровой вышки.

Паша поёжился, тихо радуясь, что на этом «пляже» хотя бы относительно тепло. Кстати — а во что он одет?..

С сомнением оглядел себя. Оказалось — в любимую пижаму, которая в прошлой жизни была синим спортивным костюмом. Ну, хорошо хоть не в трусах...

...Огромная волна, вздыбившись стеной, с рёвом шла прямо на Пашу!

Он съёжился, готовый к худшему. Но волна со стоном разбилась о бетонный пирс, так и не успев причинить никому никакого вреда. Резко крикнула чайка.

Паша нервно обернулся.

То, что оказалось сзади, слегка его успокоило. Песчано-глинистый берег круто поднимался вверх; дальше началось что-то вроде жидкой сосновой рощи, в недрах которой виднелась металлическая сетка ограды и — это обрадовало Пашу сильнее всего! — одноэтажный домик КПП. (Во всяком случае, так он его для себя определил.)

Где есть хоть какие-то строения — там должны быть и люди. Спотыкаясь и увязая на каждом шагу в мокром песке, Паша тем не менее решительно направился к цели.

*

...Потянув на себя деревянную, слегка разбухшую от влажности скрипучую дверь, он осторожно заглянул внутрь — и чуть не вскрикнул от радости. За простым канцеляр-

ским столом и правда сидела, втыкая в смартфон, обычная живая тётка-вахтёрша. Паша так и кинулся к ней:

— Бабушка!..

— Дедушка, — огрызнулась тётка, впрочем, вполне беззлобно. Но от телефона всё-таки оторвалась — и взглянула на Павла с лёгкой иронией. Взбитые седые кудри и безразмерная грудь как бы намекали на то, что в молодости эта женщина знавала и лучшие времена.

— Ну что, явился, голубок? — ворчливо спросила она. — Признавайся — кого достал?

— Здесь, наверное, какая-то ошибка, — растерялся Паша. — Я как раз никого не доставал. Я...

— По-другому к нам никак не попасть, — шумно вздохнула старуха, критически разглядывая себя в экранчик смартфона. — Ты, наверное, вообще такой человек... Как бы неприятный, да?

Паша даже обиделся:

— Почему это? Никто не жалуется...

— Неприятный, — подытожила старуха, откладывая смартфон. — Самовлюблённый, назойливый. Из тех, что с первого раза никогда не понимают. Да и со второго тоже...

— Да вы что, бабушка?! — озлился Паша. — Вас тут на бесплатные курсы психологов ходить, что ли, заставляют?

— Да какая уж тут психология, — вздохнула бабка. — Другие сюда просто не залетают. Психологии тут никакой не нужно...

Она снова подняла на него глаза, и Павел даже поразился — столько в них сейчас было тоскливого человеческого понимания:

— Чтобы выписать кому-то путёвку на Буян, — медленно сказала она, — человек должен быть доведён до крайней степени отчаяния. Только так это работает. Только так.

— Что ещё за буян? — не понимал Паша. Старуха усмехнулась:

— Санаторий «Остров Буян». Добро пожаловать!

Она чуть порылась в столе — и положила перед ним ключ на большой деревянной бомбошке:

— Можете занимать номер, молодой человек. Номер у вас хороший, с видом на море. Второй этаж. Так... вот ваша санитарная книжка...

Паша машинально раскрыл книжку — и с изумлением увидел, что там и правда стоят его имя и фамилия. Парадоксальным образом это убедило его принять пока всё как данность — и не задавать вопросов.

Меж тем старуха ещё немного порылась в нижнем ящике стола — и вытащила оттуда небольшой чёрный пакет, запаянный сверху:

— Держите. Вон через ту дверь выйдете на территорию. Первый корпус налево...

— А это ещё что? — не удержался Паша, кивнул на пакет подбородком. — Сухой паёк, что ли?

— Там смартфон, — неопределённо ответила старуха. —

Ну, сами разберётесь. А столовая на первом этаже. Если что, вам на ресепшне подскажут.

*

Маленький одноместный номер, где ему предстояло жить, с балконом и чистеньким санузлом, показался Паше очень уютным. Окна и вправду выходили на море. Немного смущало ковровое покрытие — уже изрядно облысевшее, прожжённое в нескольких местах и с подозрительными бурыми пятнами. Но, подумав, Паша решил не обращать внимания на такие мелочи.

Важнее было другое: что делать дальше? Паша хотел было вскрыть пакет и осмотреть казённый смартфон: возможно, там найдётся что-нибудь такое, что внесёт хоть какую-то ясность. Но внезапно почувствовал жуткий голод — и решил отложить все выяснения на потом.

Обещанную столовую он нашёл почти сразу.

То ли просто был не сезон, то ли это он сам припоздал и явился, когда «прайм-тайм» уже схлынул — но в просторном зале почти никого не было. Только в дальнем углу ворковала какая-то парочка, да ещё лысый полноватый мужчина лет пятидесяти накладывал себе в тарелку еду из больших кастрюль, стоявших на специальной стойке с подогревом. Как понял Паша, здесь бытовала система «шведский стол».

Взяв поднос, он пристроился за лысым — и вскоре уже

шёл к столу с полным джентльменским набором: суп, говядина с картошкой и булочка. Компот брать не стал — вовремя заметил в конце стойки большую сверкающую кофемашину. Её современный вид немного приободрил его.

Он уже хотел сесть за первый попавшийся свободный столик... но не смог справиться с нахлынувшей внезапно тягой к человеческому общению. Лысый сосед, уминавший свой бифштекс так, что уши ходили туда-сюда, показался ему адекватным человеком.

— Приятного аппетита, — бодро сказал Паша, ставя поднос и присаживаясь напротив. — Не помешаю?

Лысый, интенсивно работая челюстями, в притворном ужасе замахал руками и замотал головой, словно боясь, что Павел передумает и уйдёт. Впрочем, секунду спустя способность изъясняться по-человечески вернулась к нему:

— Новенький? Очень рад. Валерий. — Он перегнулся через стол, чтобы обменяться с Пашей энергичным рукопожатием. — За что сюда?

Паша пожал плечами:

— Я не знаю... Вроде ни за что... Сам не знаю, как я тут оказался... И как теперь отсюда выбираться?..

— Как выбираться — это не наша с вами забота, — осклабился лысый. — Да и куда нам торопиться? Дома никто нас не ждёт. Мы всех достали!

Он рассмеялся и потёр руки, заросшие рыжеватым волосом:

— Мой вам совет — не торопитесь. Отдохните как следует, в море покупаетесь. Здесь очень хорошее море, когда распогодится. Бассейн есть...

— А вы давно здесь? — решился, наконец, спросить Паша. Лысый задумался, подсчитывая что-то в голове:

— Сезонов пять уже, наверное. Но вы на меня не равняйтесь. Я собираюсь тут зависать до последнего. Если повезёт — то и до конца. А вы человек молодой, у вас ещё всё впереди. Вам, конечно, надо зарабатывать очки...

— Какие очки? — робко спросил Паша. Валерий, прищурившись, взглянул на него:

— Смартфон у вас с собой?

— В номере оставил, — признался Паша. Лысый снова задумался, что-то прикидывая:

— Ладно, давайте так. Сегодня гуляйте, отдыхайте, ни о чём не думайте. Торопиться вам некуда. А завтра встретимся за завтраком, я вам всё расскажу, всё покажу. Смартфон только не забудьте!

— Спасибо вам, — искренне сказал Паша. Валерий рассмеялся, показав пожелтевшие, но крепкие нижние зубы:

— Ой, не благодарите раньше времени. Вы ещё не знаете, какой я скверный человек. Впрочем, другие сюда и не попадают...

Он аккуратно сложил тарелки на поднос, встал и уже сверху кивнул Павлу:

— Так до завтра. Смартфон, главное, не забудьте. И вот

ещё что...

Он наклонился к Паше и зловеще прошептал ему в ухо:

— Остерегайтесь общественного туалета!

— Какого туалета? — опешил Паша. Лысый объяснил — уже нормальным тоном:

— Если пойдёте на море — там, на пляже, есть общественный туалет. Так вот, не стоит туда заходить...

— Не буду! — пообещал Паша. Но лысый уже двигался к транспортёру, по которому невеста куда уплывала грязная посуда. Расставшись со своим подносом, он ещё раз обернулся к Паше — и его пухлая ладонь на мгновение зависла в воздухе:

— До встречи!

В следующий миг он, казалось, напрочь забыл о своём собеседнике — и, чуть прихрамывая, покинул столовую. Паша с надеждой смотрел ему вслед. Теперь ему было здесь уже не так одиноко.

Наутро он вскочил ни свет ни заря — и, как ни старался, заснуть уже не мог. То ли морской воздух «Буяна» так действовал, то ли само новое место... Чертовски хотелось кофе — без него Паша утром не ощущал себя полноценным человеком.

До открытия столовой оставалось часа полтора, и Паша решил пойти к морю — прогуляться перед завтраком.

Там-то, на пляже, у самого края сосновой рощи он и набрёл на это странное сооружение. Что-то похожее на развалины старой печи. Возможно, когда-то здесь и была печь. Но теперь в неё была встроена кофемашина — Паша пытался и не мог понять, какова доля естественного в этом дизайне «под старину».

Но это было и неважно. Главное — аппарат работал. Когда Паша просто ради интереса нажал на «капучино», тот безропотно выдал требуемое — и даже не спросил денег. Их, впрочем, у Паши и не было.

К его удивлению, кофе оказался горячим и очень вкусным. А может быть, так просто казалось на морском воздухе. Как бы там ни было, Паша чувствовал себя на вершине блаженства. Прихлебывая кофе, он празднично разглядывал аппарат в обрамлении древнего кирпича, снова и снова пытаясь понять, как же кому-то удалось так соединить несоединимое.

Внезапно экран, где было меню с напитками, замигал, погас — и в тот же миг пошла перезагрузка. Паша ещё успел подумать о том, что нынешние кофейные аппараты — это по сути, те же планшеты, только умеют ещё и кофе варить. И ещё не факт, что они не умеют и чего-нибудь похуже...

И точно.

Вместо уютных кофейных чашечек на мониторе вдруг возникла заставка графического редактора. А в следующий миг там появился текст, заставивший Павла отпрянуть. Надпись гласила:

«Остерегайся лысых».

Ещё вчера днём Павел воспринял бы это как прикол. Но сегодня, когда у него как раз назначена встреча с лысым... Очень важная встреча с Лысым...

— Да ладно! — сказал Паша сам себе, но громко. — Все мы когда-нибудь станем лысыми!

Станным образом эта простая мысль его успокоила. Он уже собирался двинуться дальше, как вдруг экран снова мигнул — и на нём появилась новая надпись:

«Здесь ты в Раю».

Паше стало не по себе. Он вспомнил, что нечто подобное ему вчера говорил и Лысый. Снова Лысый!..

Сам Паша, кстати, был с этим тезисом не очень-то согласен. Да, море, воздух, все удобства... Но что-то во всём этом было... неправильное, неестественное. В общем, ему бы не хотелось застрять тут надолго...

Пока он размышлял об этом, надпись на экране аппарата снова изменилась:

«Любовь это невроз».

Паша хмыкнул. Да уж, тут не поспоришь. В этом аппарате есть афоризмы на все случаи жизни, что ли?..

Теперь он даже с интересом ждал — что же там выскочит ещё. Но через минуту-другую любовный афоризм сменился уже знакомым советом:

«Остерегайся лысых».

Паша с досадой смял в руке пустой стаканчик и пошёл прочь. Если кого тут и стоило остерегаться, то вот таких излишне говорливых аппаратов. Ещё не хватало пропустить из-за него завтрак...

В таком вот настроении он и вошёл в столовую... и тут же стало ясно, что главные сюрпризы ещё впереди.

Лысого он заметил сразу. Тот сидел там же, где и вчера, — и теперь махнул Паше рукой в знак приветствия. Но сегодня он был не один...

«Мог бы и предупредить, гад, — подумал Паша с внезапным раздражением, брезгливо оглядывая свой застиранный костюм. — Я б хоть побрился».

Рыженькая девушка... — нет, изящная юная леди в джинсовом сарафане, оказавшаяся третьей за их столиком, застенчиво улыбнулась в ответ на его «здрасьте». Детская хрупкость и лёгкая россыпь веснушек на носу ничуть её не портили — совсем наоборот.

Павел вдруг подумал, что такое лицо трудно чем-то испортить. Вот разве что странное выражение, с которым она то и дело поглядывает на Лысого. Какое-то... покорно-испуганное, оно делает её похожей на овцу. На милую, впрочем, овечку.

Сам Лысый был сегодня при полном параде: на нём был элегантный, очевидно очень недешёвый летний костюм, а на стуле висела соломенная шляпа. И настроение у него, похоже, было прекрасное. Он весь так и сиял, озаряя столик радостной желтозубой улыбкой:

— Познакомьтесь, это Анечка, — он по-хозяйски накрыл толстой волосатой дланью хрупкую ладошку своей спутницы. — Даже странно, что мы её здесь видим, правда? Трудно себе представить, что кто-то мог всерьёз послать такое чудо!...

Да, это и правда трудно было представить. Паша, во всяком случае, не мог.

— Анюта у нас очень дотошная, — продолжал чему-то радоваться Лысый. — Любит указывать коллегам на их ошибки. И вообще говорить людям, что они должны делать. Да, Анечка?

Анечка виновато улыбнулась и уставилась в свою тарелку.

— Ну вот однажды ей и сказали, куда ей идти! — Лысый довольно расхохотался, как бы приглашая всех присутствующих повеселиться вместе с ним.

Никто его не поддержал.

Паша старался не смотреть на Анечку: видеть её робкую, виноватую улыбку было неприятно. Хорошо ещё, что Лысый вдруг так же резко оборвал свой смех; всем корпусом обернулся к Павлу и деловито спросил:

— Смартфон при себе?

— А как же, — вяло ответил Павел. Вообще-то его голова так и ломилась от разнообразных вопросов — и ещё полчаса назад он честно собирался обрушить их на Лысого. Но при Анечке было как-то неловко.

Да и сам Валерий теперь не казался ему таким уж симпатичным. «Остерегайся лысых!» — вспомнил Паша и поёжился.

Разобраться со смартфоном, тем не менее, было необходимо.

Кое-что он успел сделать уже и сам. Ещё вчера распатронил его, включил — и с радостью обнаружил там всего одно приложение. Оно спокойно открывалось отпечатком пальца, что Пашу даже не удивило.

Приложение было похоже на банковское; но это явно был местный банк. Такого ярлычка Паша раньше нигде не видел. На его имя был открыт счёт: 372.84 буяна. Местная валюта. Паша понятия не имел, много это или мало.

Можно было, конечно, обратиться на ресепшн или всё к той же старухе-вахтёрше. Но Паша вполне мог себе представить, как их задолбало отвечать на такие вопросы. В общем, было похоже, что без Лысого никак не обойтись.

Усилием воли Паша засунул свои новые, неудобные эмоции куда подальше — и приготовился внимать.

*

— Так вот, дорогой мой друг, — Лысый широким жестом отодвинул в сторону грязные тарелки и удобно устроился локтями на столе. — Дело обстоит следующим образом...

(Паша украдкой покосился на Анечку. Вообще-то он ждал, что она сейчас допьёт свой чай и уйдёт. Но Анечка всё так же преданно смотрела Лысому в рот — и уходить явно не собиралась. Паша и сам не знал, радует его это или огорчает).

— Итак, у нас есть смартфон с банковским приложением. Давайте-ка его сюда...

Паша безропотно протянул своему наставнику смартфон. Почему-то ему казалось, что тот сам без проблем войдёт куда нужно. Но Валерий цепко ухватил Павла за руку и привычным движением прижал его большой палец к сканеру. Видимо, даже здесь банковские приложения были всё-таки интимным делом.

— Ого, триста с лишним буянов! Это неплохо. Кому-то вы здесь уже успели понравиться...

— А в чём, собственно, дело? — нервно спросил Павел. Лысый примирительно улыбнулся.

— Вам, вероятно, знакомо понятие «социального рейтинга»? — вкрадчиво спросил он. Паша порылся в памяти,

вспоминая:

— Это как в Китае, да?

— Ну, примерно. Только у нас тут свои нюансы. Чётких критериев нет, всё индивидуально. Система... — Лысый закатил глаза, уважительно выделяя большую «С», — Система сама определяет, кому сколько начислить. Кто сколько заслужил...

— Что-то я не совсем понял, — Паша похолодел.

На самом деле он уже начал понимать. Только верить, как всегда, не хотелось. Но на сей раз зажмуриваться было бесполезно:

— Ну а что вы как думали, голубчик? Здесь вам не детский сад. Это исправительный санаторий, понимаете? Испра-ви-тель-ный! — Лысый назидательным жестом поднял палец — и вдруг подмигнул.

«Интересно, чему он так радуется?» — с внезапной ненавистью подумал Павел — и по какому-то неясному толчку мысли взглянул на Анечку. Та была тоже не в лучшей форме. Её голова совсем ушла в плечи, что вовсе ей не шло.

— То есть мы тут живём и вкусно кушаем... как бы эээ... не бесплатно? — бросился он, как в прорубь. Валерий кивнул:

— Ну вот, взгляните сами. Вот все ваши транзакции. Семьдесят пять вчерашний ужин... сорок девять завтрак... о, даже с пляжной кофемашиной познакомились?.. — Лысый слабо усмехнулся чему-то своему. Но Паша всё никак

не мог смириться с очевидностью:

— Ужин — семьдесят пять буянов?! Да мне через три дня уже нечего жрать будет!..

— Тише, тише, тише, — Лысый осторожно тронул его за плястье. — На самом деле всё не так страшно. Если человек хотя бы просто адекватно себя ведёт, Система всегда что-то да начислит. С голоду ещё никто не умер...

— Но ведь должны быть и штрафы, — вслух подумал Паша. Лысый мефистофельски усмехнулся:

— Верно. Вот сейчас, например... — он заглянул в Пашин смартфон, — поздравляю, только что с вас списали пятнадцать буянов. Слишком громко вы буяните...

— Я больше не буду, — вырвалось у Павла. Лысый вздохнул:

— А мы не знаем. Может, завтра Системе понравится, что вы такой пассионарий. Тут только методом проб и ошибок...

— Ну хорошо, — сдался Павел. — А если, например, кто-то всё-таки ушёл в минус? Так ведь тоже наверняка бывает...

— Идут работать. А вы как думали — кто нас с вами тут обслуживает? Откуда все эти деликатесы?

— А если нет рабочих мест?

— Тогда влезают в долги, — вздохнул Лысый. — Вот как наша Анечка. Или находят что продать. У каждого человека есть что продать. Да, Анечка?..

Он вкрадчиво улыбнулся и погладил Анечку по голому плечу. На самую Анечку жалко было смотреть. Паша и не

смотрел. Он только чувствовал, что всё больше ненавидит Лысого. И вместе с тем боялся, что Система его за это оштрафует. Как знать?..

«Остерегайся лысых»...

— Ну хорошо, — сумел он, наконец, справиться с собой, — а вы-то сами? Вы-то как тут устроились аж на несколько сезонов?

— А я взломал Систему, — просто объяснил Лысый. — Поймал все алгоритмы. И теперь живу в своё удовольствие. Главное — отсюда не вылететь: домой не хочу. 10 000 буянов — выходной билет, чтоб вы знали. Так что у меня на счёте обычно 9999...

Он полез в карман, вытащил оттуда айфон последней модели, взглянул и усмехнулся:

— Сейчас уже 9800. Заказал Анечке цветы в номер. Да, Анечка?..

В этот миг Павлу как никогда хотелось его пришибить. Если б он ещё не повторял каждую минуту это своё «да, Анечка»... Слово-паразит какое-то... Паша боялся, что если ещё раз его услышит, то не сможет удержать себя в руках.

— Ну ладно, в общих чертах я понял, — он сделал один за другим несколько глубоких вдохов. Уфф!.. — Один только вопрос. А что, за проживание тоже платить придётся?

— Это нет, это нет, — посерьёзнел Лысый. — Всё, что вы получили от вахтёра — всё входит, так сказать, в стоимость билета. Ключ от номера, процедуры и смартфон с приложе-

нием. Пользуйтесь! А вот что сверх того — тут уже сами-сами...

Он поднялся, аккуратно отодвигая стул и водружая шляпу на свой голый череп:

— Ну, а мы с Анечкой, пожалуй, пойдём прогуляемся. Да, Анечка?..

Рыжая овечка покорно последовала за хозяином. Павел с тоской провожал их взглядом. Уже в дверях Анна неожиданно обернулась — и посмотрела Павлу прямо в глаза. Удар был такой силы, что он буквально схватился за голову.

Озеро... Ледяное озеро, и он в нём тонет — вот какое было ощущение. Усилием воли он заставил себя сделать глубокий вдох. И ещё одно давнее воспоминание вдруг всплыло откуда-то из неведомых глубин:

Дворовый хулиган толкнул маленькую девочку в грязь — и с хохотом топчет подол её голубого платица. Павлику нравится эта девочка. Он любит её больше всего на свете — после мамы, конечно!..

Девочка плачет, кричит, обдирает об асфальт коленки. Павлик так бы хотел её спасти! Но он не может. Ему страшно. Он слабее дворового хулигана.

За неделю Паша худо-бедно освоился в островных декорациях — и даже, как ему казалось, неплохо вписался в Систему. Баланс на его счету не то чтобы рос — но устойчиво колебался где-то между 300 и 400 бн.

Ещё не средний класс, но уже и не бедность. Вполне хватает, чтобы не обращать внимания на столовские цены — и даже слегка прибарахлиться в местном сельпо. На большее Паша пока не замахивался.

Тем не менее он начал понимать, что имел в виду Лысый, говоря, что «взломал Систему». Это было не совсем точно сказано. Взлому, скорее, подлежали собственные стереотипы.

Ибо Система и впрямь была во многом парадоксальна. Она ничуть не была похожа на доброго дядюшку, отмеряющего каждому по заслугам; те, кто не желал этого понимать, обрекали себя на вечную неудачу.

Как-то раз Паша в сердцах обхамил одного противного деда — тот, стоя перед ним в очереди к титану, скрупулёзно перенюхал все до единого чайные пакетики, чтобы в итоге взять грушевый компот. Он не сомневался, что теперь сильно потеряет в рейтинге. Но уж больно его раздражал старый пердун, который везде вёл себя как дома. Зайдя в приложение, он, однако, с изумлением увидел, что его кошелёк по-

полнился на тридцать пять буянов — пустячок, а приятно.

В другой раз он, наоборот, влетел на бешеный штраф. На дискотеке пригласил танцевать унылую девицу, не вызывающую у него ни капли вожделения. Пригласил из жалости и уверен был, что это добрый поступок. А в итоге ещё три дня просидел на хлебе и воде.

Но в целом он начинал вникать в странную логику местного духа, который, казалось, иногда нарочно делал всё наоборот. Иногда ему казалось, что он вот-вот поймёт её до конца. В такие минуты он думал: а может, и правда последовать совету Лысого? Просто расслабиться, поймать волну и получать удовольствие от местных «ништяков»?

В сущности, это было не так уж глупо. Возможно, он именно так бы и поступил, если бы...

Если бы не Анечка.

Паша мог видеть её только в столовой — и никогда, никогда без Лысого. Иногда Лысый приходил один. Иногда они вообще куда-то исчезали: видимо, Лысый водил её по дорогим ресторанам в платной зоне. (Паша как-то ради интереса раскошелился на сотню буянов и купил туда одноразовый входной билет — но ещё на подходах изошёл желчью и больше такой ошибки не повторял).

В такие дни Паша отчаянно тосковал — и даже сделал несколько попыток сойтись покороче с кем-нибудь из других столовских завсегдатаев. Но вскоре бросил эту затею. Все они были какие-то пришибленные, то и дело фальшиво ска-

лились — и при этом боялись слово в простоте сказать. Самое смешное, что ничего они этим не выгадывали: судя по тому, как они ели и одевались, жили они куда беднее Паши, а кто-то и явно впроголодь.

В конце концов Паше пришлось нехотя признать, что на Буяне есть только один интересный собеседник — Лысый. Он с досадой ловил себя на том, что его притягивает аморальный ум этого человека. В иных обстоятельствах тот вполне мог бы стать ему другом. Если бы не Анна...

К счастью, Лысого, похоже, тоже что-то к нему тянуло. Что позволяло видеть Анну довольно часто. Без особого, правда, толку: бдительный Валерий глаз с неё не спускал.

Лишь изредка ему случалось на что-то отвлечься или отвернуться. И тогда Паша снова ловил на себе тот самый озёрный взгляд. Как и тогда, в нём плескалось доверие и мольба о помощи. Это было большее всего. Ну чем он мог ей помочь? Убить Лысого разве что?..

— Ну хочешь, я его убью? — и в самом деле прошептал он как-то раз, плюя на рейтинг. (Им тогда невероятно, исключительно повезло: у Лысого прямо в руках сломалась казённая алюминиевая вилка и он отправился на кухню — выяснять отношения.) Анна, дрожа, коснулась пальцами его руки.

— Его нельзя убить, — так же, почти неслышно прошептала она. — Он неуязвим. И не боится ничего. Есть только одна вещь, которая его пугает...

(Лысый уже шёл к ним, радостный, с победительным видом размахивая новым сверкающим четырёхзубцем).

— Он боится туалета на пляже, — успела договорить Анна, почти не шевеля губами.

Павел отвёл глаза. Насчёт пляжного туалета Валерий предостерёг его ещё в первый вечер — и он, хорошо помня это, вовсе не хотел к нему приближаться. Всё-таки Лысый жил тут не первый год и, как ни крути, знал о местной жизни побольше их обоих. А вдруг этот чёртов туалет как-то особенно резко понижает рейтинги?..

Паша решил «замять для ясности». Тем более что Лысый уже вернулся за столик — и, весь сияя, приглашал полюбоваться своим кухонным трофеем «из настоящей золингеновской стали».

И всё же он чувствовал, что этот разговор — пока что для них единственный — стал некой точкой невозврата. Он сделал выбор. Анна сделала выбор. Даже сама Система сделала выбор, хоть и слегка издевательский, поощрив его тогда за храбрость смешными пятью буянами.

Вспоминая свои прежние отношения с женщинами, он неизменно испытывал лютый стыд. С Анной всё было по-другому. Он ни на секунду не обольщался, что может «снизойти» до нее или «осчастливить», в общем, вся та ерунда, которой он раньше тешил себя при виде любой особи женского пола независимо от её статуса. Похоже, он впервые в жизни любил по-настоящему.

В день, когда он понял и честно сказал себе это, на его счёт упало 2000 буянов.

Две тысячи буянов — это уже кое-что. Тут уже есть о чём говорить...

Не будем изображать Павла лучше, чем он есть. Когда он увидел это, первая мысль его была:

«Ну вот, наконец-то и я поживу как человек».

Его охватил странный азарт. Как будто вот только сейчас, именно сейчас, когда Система перестала жадничать, он и в самом деле переместился в какую-то новую, интересную реальность. А вовсе не тогда, когда, голый и босый, прибыл на остров Буян...

«Зачем я, дурак, так рвусь домой?! Дома у меня таких возможностей, как здесь, никогда не будет!»

Лысый был прав.

С этой сияющей точки вся прошлая жизнь вдруг показалась ему одним сплошным тягостным воспоминанием. И самое лучшее, что он мог сделать — это как можно плотнее закрыть ведущую туда дверь.

Желательно навсегда.

Тем более что у него есть опытный наставник, не одну собаку съевший на таких делах. Если что — всегда можно обратиться к нему за советом...

«А она? — вдруг спросил какой-то голос внутри него. — Анна? Ты хотя бы спросил, чего хочет она?»

Этого было достаточно, чтобы наваждение рассеялось.

«Это что же — я и правда хочу превратиться во второго Лысого?» — с отвращением подумал он, разглядывая свои руки. Ему вдруг показалось, что они стали как у Валерия — толстые и волосатые.

Он со стыдом вспомнил, как сегодня часа два с лишним гулял туда-сюда по берегу моря. С Лысым. Тот нуждался в компании, а Павел не смел ему отказать. Лысый сплетничал, кстати заодно и об Анне. А он слушал и молчал, потому что ему некуда было деваться.

— ...Ну вот, скажем, вы тогда через КПП нормально прошли? — спрашивал Лысый. — Без эксцессов?

Паша пожал плечами:

— А что, могли быть эксцессы? Вроде там такая милая старушенция...

— О чём и речь, — оживился Лысый, — а вот нашей Анечке она не понравилась. И она тут же принялась качать права. И на ресепшне начала качать права — ей показалось, что её недостаточно уважают. И в столовой...

Они как раз проходили мимо кабинки пляжного туалета. И вдруг Павел ощутил, как напрягся Лысый — он оборвал свой рассказ на самом интересном месте. Анна была права: он боится. Но чего?..

Павел вдруг ощутил жуткое желание затолкать его в туалет и своими глазами увидеть — чего. Но он вовсе не был уверен, что готов к последствиям. Каковы бы они ни были...

Поэтому он подавил свой благородный импульс и продолжал слушать. Опасная кабинка осталась позади и Лысый снова разоткровенничался:

— Со временем, конечно, она перестала качать права. И вообще забыла о том, что они у неё когда-то были. Но было уже поздно. Система выписала ей что-то вроде теневого бана. А это страшная штука. Рейтинг растёт наоборот. В минус... Когда я её подобрал, она питалась объедками из грязных тарелок. И готова была любому отдаться за кусок хлеба...

Паше мучительно хотелось знать: понимает ли Лысый, что имеет дело с соперником?.. Неужели он до сих пор ничего не заметил? Но считать Лысого глупее себя — мягко говоря, самонадеянно.

Конечно же, он всё понимал. И Павел вдруг понял: он рассказывает ему всё это неспроста. Даёт понять, что Анне тут самостоятельно и шагу не ступить. А значит, у него, Паши, связаны руки. Связаны, связаны — Павел с таким остервенением повторял это, что у него и правда онемели руки и к концу прогулки он почти перестал их чувствовать.

Но теперь... Внезапная улыбка Системы меняла ситуацию. Не так уж сильно, но меняла. У него появились возможности. Нет, заниматься своим имиджем и устраивать оргии в платной зоне ему пока рановато. (Хотя... эхх... так хочется...)

Он должен, обязан поговорить с Анной! Он ведь и правда

ничего о ней не знает. Может быть, он всё сам себе про неё выдумал. А на самом деле её вполне устраивает та жизнь, которой она живёт...

Что ж, в любом случае — решать ей.

Зато Павел больше ни в чём не сомневался. Теперь он точно знал, что ему следует делать.

«Пять утра. Пляжный туалет».

Ему всё-таки удалось передать Анне крохотную, свёрнутую в десять раз записку. Не сразу, но удалось. Несколько дней выжидал, пока она попросит передать соль.

Он всё рассчитал. Пять утра, смурное время перед рассветом. Даже бдительный Лысый к этому времени должен устать от своих бдений. А на свидание в такую рань женщина способна прийти, только если она настроена всерьёз и надолго. Таким образом, все точки над «и» сразу будут расставлены.

Пляжный туалет был как бы дополнительным бастионом. На тот случай, если Лысый всё-таки что-то заподозрит. Случай маловероятный, но всё-таки...

«Внутри было бы ещё безопаснее», — мелькнуло в голове у Паши. Но он тут же с негодованием отмёл эту мысль. Первое свидание с любимой в туалете — это, безусловно, свежо. К тому же ещё неизвестно, какие опасности таит в себе это заведение. Вдруг оно даже хуже, чем Лысый?!..

Хотя едва ли.

...К половине пятого он уже был в назначенном месте. Его сотрясала противная мелкая дрожь — то ли от волнения, то ли оттого, что не спал всю ночь. Да и морской ветер был ещё довольно пронзительным.

Нежно-розовая полоса, поблёскивая, лежала на горизон-

те: рассвет понемногу вступал в свои права. Даже сейчас, гуляя по берегу вокруг заветной кабинки, Павел не мог в сотый раз не отметить, какое всё-таки красивое это место — Остров Буян. Мы и правда в Раю; верно говорила чёртова кофемашина.

За спиной раздалось лёгкое покашливание. Павел резко обернулся — и тут же сердце его ухнуло куда-то вниз, а по спине поползли струйки холодного пота. Перед ним, улыбаясь, стоял Лысый.

— Свидание у сортира? — заметил он, чуть приподняв бровь. — Оригинально.

Павел молчал, сжав зубы. Говорить, в общем, было уже не о чем и незачем. Всё и так было предельно ясно.

— Аня себя неважно чувствует, — продолжал Лысый. — Я за неё. Вы, кажется, хотели сообщить нам что-то интересное?..

Павел облизнул пересохшие губы. Все мосты были сожжены и терять было нечего. Оставался только один путь. План «Б».

— А чего ты встал-то за километр? — тихо спросил Павел. — Подойди сюда. Я тебе на ухо нашепчу.

— Дураков нет, — ухмыльнулся Лысый. — Ладно, как хочешь. Можешь тусить тут хоть до бесконечности. А мы с Анютой переезжаем в более приятное место...

Он повернулся и похромал прочь — медленно, тяжело, увязая ногами в песке. Паша смотрел на его удаляющуюся

спину, кусая губы от бессилия.

Лысый не блефовал. Он и правда запросто мог хоть сегодня переехать вместе с Анной в платную зону. А он, Павел, пока что не может себе позволить такую роскошь...

Собственно, сейчас он не может позволить себе даже роскошь отойти от пляжного туалета. Ибо именно здесь неким кощеевым яйцом лежит его последний шанс...

— Эй! — заорал Павел изо всех сил. — Вернись, поговорим, студень трусливый! Мешок с песком!

Лысый даже не обернулся. Видимо, он так привык к оскорблениям, что они его уже не задевали.

— Ане привет! — в отчаянии выкрикнул Паша. — Дома-то, небось, тебе такие девушки даже в мокрых фантазиях не снились!..

Показалось ему, или жирная спина действительно чуть дрогнула? Как бы там ни было, времени на креатив уже не оставалось:

— Дома ты полный нищерброд, ведь так? Поэтому и не хочешь возвращаться, трусло! Небось там у себя ты последняя шестёрка! За сорок тысяч оклада задницу рвёшь, я же прав?!

Во всей массивной фигуре Лысого читалось страшное напряжение. Хромота, обычно еле заметная, в эту секунду бросилась бы в глаза любому. Теперь он даже не подволакивал, а тащил за собой левую ногу, и было видно, с каким трудом ему это даётся.

Зато Павла охватил восторг человека, падающего с обры-

ва:

— Нет! Я всё понял! Кому ты нужен в таком возрасте! Ты вообще не ходишь на работу! Пенсию отбираешь у старенькой мамы... Ещё небось и бьёшь её, так ведь, ничтожество?!

Он бездумно запустил руку в карман и нащупал там огрызок от яблока. Откуда оно там взялось? Он вообще не ел яблок, терпеть их не мог. Но сейчас это было неважно. Почти не сознавая, что делает, он размахнулся и запустил огрызком Лысому в спину.

Похоже, он попал. В «яблочко».

Ибо Лысый больше не удалялся. Наоборот — огромными прыжками приближался к нему. Павел едва успел отскокить — и занять более защищённую позицию у двери туалета. Он ещё успел увидеть лицо Лысого, неузнаваемо искажённое яростью.

В следующий миг Лысый бросился на него.

Два хрипящих тела слились в смертельном объятии. Чувствуя, как пальцы Лысого всё сильнее смыкаются на его горле, Павел всем телом повалился на него, прижимая к стене кабинки. Дверь оказалась чуть приоткрыта; ещё только одно маленькое усилие — и они окажутся внутри. Вместе... Пусть вместе. Пропади всё пропадом!..

Чувствуя, что теряет сознание, Павел собрал последние силы... и двое, которых ненависть сделала единым существом, рухнули в кабинку. Последнее, что он увидел, прежде чем ярчайшая вспышка заставила его зажмуриться — блед-

ное лицо Анны с перекошенным ртом. «Пришла всё-таки...»
— успел подумать он.

...Как всегда, он не спешил открывать глаза. И без того прекрасно знал, что увидит вокруг.

Там, на пляже, был не туалет. Там был портал на вылет. Бесплатный. Самое смешное, что он был там всегда — с самого начала. Лысый обманул его.

Павел был дома.

Лежал на диване, в любимой старой пижаме, которая когда-то, в полузабытой прошлой жизни, была синим спортивным костюмом. Рядом валялся смартфон. Это вдруг вызвало у Павла смутное воспоминание; каким-то неочевидным образом оно было связано с тем, что ему только что снилось.

Павел снова закрыл глаза, надеясь вспомнить свой сон. Но всё уже напрочь улетучилось, кроме самого ощущения, что снилось что-то очень интересное. Во всяком случае, смартфон там точно фигурировал. Надо бы, кстати, глянуть, сколько же времени он проспал...

Полез в мобильник. Оказалось — и пяти минут не прошло. Надо же! А чувство такое, как будто продрых часов двенадцать. И проснулся совсем другим человеком...

Что же всё-таки ему снилось?..

Он снова зажмурился. Вот: пожилая вахтёрша. Да, точно. Павел даже как будто увидел её воочию: вот она, сучает за казённым столом — разбитная тётка с игривыми седыми кудрями, грудастая, явно прошедшая в молодости огни и воды. Интересно, где он мог в реальности видеть такую женщину?..

Нет... как-то ничего не приходит в голову.

Снова полез в мобильник, нехотя вспоминая, чем он там

занимался перед тем, как отрубиться. Что-то там, кажется, неприятное было с этой... с Ирккой...

Да: она грубо послала его матом, а потом забанила. Павел перечитал экспрессивный диалог, пожал плечами — и с явным облегчением отправил номер в чёрный список. Даже странно, насколько мало это его теперь волновало.

Что же всё-таки ему снилось?.. Он и сам не понимал, почему этот дурацкий сон его никак не отпускает. Как будто тянулась оттуда тонкая ниточка тоски и нежности, которая никак не хотела рваться. Что-то было там такое важное, чего он явно не хотел забывать...

Он снова прикрыл глаза, всё ещё на что-то надеясь. Но реальность уже брала своё: теперь он не видел за веками ничего, кроме абсолютной черноты.

Ладно, пора просыпаться.

Прежде чем встать с дивана и воздать должное остатку уходящего дня, он ещё раз для очистки совести заглянул в смартфон. Теперь уже в любимую социальную сеть: не произошло ли там чего нового?..

Так-то ничего. Из непрочитанного было только уведомление — одно-единственное. Заявка в друзья. От некой Анны Кривцовой. Рыжая девушка на аватарке. Заявка висела уже полгода — странно, что он раньше её не замечал...

— Ну правильно! — дошло вдруг до него. — Как же я мог её заметить? Она ведь и должна была вернуться в более раннюю временную точку!..

ЭПИЛОГ

На Острове Буяне, у самой кромки сосновой рощи можно увидеть кирпичные руины старой печи. В них встроена кофемашина. Но, если вы захотите угоститься кофейком, вас ждёт разочарование. Аппарат временно не работает.

На сей раз вы не увидите здесь даже вашего привычного меню с кофейными чашечками. Вместо него на мониторе упорно высвечивается одна и та же надпись:

«Если вы сейчас это читаете, значит, меня всё-таки выкинуло с Острова. Досадно. Но не надо слёз. Я такой токсичный человек, что будьте уверены: не пройдёт и года, как я вернусь сюда снова. Это неизбежно. Мне не привыкать.

До скорой встречи!

Всегда ваш —

Лысый».

ЕВА И ЧЁРНЫЙ КВАДРАТ

— ...А как ты относишься к произведению Казимира Малевича «Чёрный квадрат»? — строго спросила Ева.

Марат дёрнул худым плечом, цыкнул сквозь зубы:

— Никак не отношусь. Мне вообще как-то... фиолетово...

— Ясно, — ледяным голосом резюмировала Ева. — Значит, тебе наплевать на меня. И на всё, что для меня важно!

— Да с чего ты взяла? — вскинулся Марат. — При чём тут ты вообще?..

— Да с того. Малевич — мой любимый художник. А его «Чёрный квадрат» — моя самая-самая любимая картина. И если ты любишь меня, как говоришь, то должен любить и...

— Ну хорошо, хорошо, — испугался Марат. — Буду любить чёрный квадрат. Хотя... — Его челюсти напряглись, словно пережёвывая непривычную мысль. — Не, не понимаю. Чего тут любить-то? Квадрат и квадрат. Ну, чёрный...

— Не пиши мне больше, — тихо сказала Ева. — И не звони. Когда *поймёшь* — дай мне знать...

Она повернулась — и пошла прочь, не оглядываясь, с нарочитой силой впечатывая тонкие каблучки в асфальт. Она знала, что Марат не станет её догонять.

На вечер у неё было запланировано ещё два свидания. Станислав. Это задачка будет посложнее, чем простоватый Марат. Взрослый, намного старше неё, ироничный, суховатый — он даже нравился Еве и в целом был в её вкусе. В иное время она, может, и замутила бы с ним. Но не сейчас.

...Они сидели в летнем кафе, и влажный ветер с Москвы-реки легко шевелил золотистые Евины волосы.

— Кстати, а как ты относишься к «Чёрному квадрату» Малевича? — спросила Ева.

Станислав чуть задумался

— К «Чёрному квадрату»? С уважением. Несомненно, это был адекватный ответ на запрос той эпохи. Свою роль в истории изобразительного искусства он сыграл, бесспорно. Хотя бы тем, что помог существенно раздвинуть границы зрительского восприятия. Но сейчас, конечно, обсуждать его всерьёз — немного смешно...

— Стас, тебе не стыдно? — тихо спросила Ева. Светлые брови Станислава чуть приподнялись над дорогими очками:

— Стыдно? За что?

— Это же просто мещанство — смеяться над тем, чего ты не понимаешь, — еле слышно продолжала Ева. — Ты его в оригинале-то хоть раз видел? Или только в журнальных репродукциях? Сходи в Третьяковку, постой перед ним... хотя бы минут пять. Послушай, что он тебе скажет. Неужели тебе не ясно, что это — всего лишь портал?..

— Портал... куда?.. — растерялся Станислав, машиналь-

ным жестом снимая и протирая очки. Ева усмехнулась:

— В самого себя, — бросила она, отодвигая стул и поднимаясь. — Извини, я всё поняла. У нас с тобой абсолютно разный культурный код. Мы не подходим друг другу. Нет-нет, пожалуйста, не провожай меня.

*

...С Ильёй, молодым перспективным айтишником, расстаться было труднее всего. В отличие от первых двух, это был не просто воздыхатель. Вот уже полгода у них с Евой длился роман, с каждым днём всё громче грозящий перерасти в серьёзные отношения. Скорее всего, и перерос бы — если бы Еву не угораздило некстати влюбиться совсем в другого человека...

Что ж, теперь всё кончено. Надо рвать когти — и чем раньше, тем лучше.

— «Чёрный квадрат»? — Илья мечтательно улыбнулся, стряхивая пепел в жестянку, стоявшую прямо на его голой безволосой груди. — Обожаю эту вещь. Вообще люблю старика Малевича, и раннего, и позднего. Но «...квадрат» — в особенности...

— И чем же он тебе так приглянулся? — сощурилась Ева.

— Понимаешь... мне всегда кажется, что он таит в себе бесконечное число возможностей, вариаций... Каждый раз я не могу отделаться от мысли, что там, за этим слоем краски — незаконченная картина, которую замазал художник...

Каждый раз я пытаюсь разглядеть её. И эта картина — каждый раз новая... А значит, я могу смотреть на «Чёрный квадрат» бесконечно... Он никогда мне не надоеет...

Ева потянулась, смачно зевнула, делая вид, что пытается скрыть зевок:

— То есть каждый раз, когда ты видишь закрашенную геометрическую фигуру, тебе приходят в голову такие мысли? Это ж, наверное, спятить можно...

— Тут ведь дело не в самой фигуре, а в личности художника, — попытался объяснить Илья. — В его замыслах. В бесконечности этих замыслов. В том, что он вкладывал или мог бы вложить в...

Ева резко присела на тахте — визг старых пружин заглушил конец фразы:

— Илья, тебе самому-то не смешно? Ну как можно быть такой наивной жертвой маркетинга, а?!..

— Почему жертвой? — огорчился Илья. — Это мои собственные мысли!

— Собственные? — расхохоталась Ева. — То есть тебе любую чушь можно вложить в голову — и ты через пять минут будешь считать её «своей собственной»? Никакого критического мышления, да?..

Она торопливо одевалась, от спешки не сразу попадая в рукава:

— Илья, пойми, это же квадрат, просто квадрат. Простейшая геометрическая фигура, выкрашенная чёрной краской.

И ничего больше. Мне страшно думать о том, что кто угодно может вложить в твою голову любую идею любой степени сложности — и ты тут же с радостью побежишь её воплощать. У тебя же никаких фильтров... Прости, но я не могу быть рядом с таким человеком.

*

...Когда Ева, усталая, но довольная, вернулась домой, за окном уже начинало темнеть. Она толкнула дверь в комнату, нащупала выключатель. Вспыхнул тёплый, уютный свет.

Всё было на своих местах. Репродукция «Чёрного квадрата» по-прежнему висела над аккуратно застеленной кроватью. Ева вскочила на покрывало, прижала к стене ладони, звонко чмокнула квадрат в самую сердцевинку:

«Спасибо, Казимир».

ПИКОВЫЙ ВАЛЕТ

Тёплым апрельским днём я шёл по набережной. Погода была изумительная: всё вокруг блестело, солнышко в кои-то веки обрадовало нас своей улыбкой, и мне просто хотелось прогуляться.

Какая-то сомнительная фигура, вихляясь, шла мне навстречу. Не поднимая глаз, я машинально попытался обойти её. Но фигура почему-то всё время оказывалась передо мной, и, наконец, я понял, что дорогу мне преграждают нарочно. Тогда я поднял глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.